

Цзян Синья родила сына, и Му Ванььянь, как бабушка, не испытывала особой радости. Она одна тревожно ждала за пределами родильного зала, беспокоясь только о своей дочери.

Каждая мать переживает за своего ребёнка.

Цзян Синья, измученная родами, лежала на больничной койке, глядя на измождённое лицо матери и её суетливые движения. Чтобы скрыть это событие, мать сама заботилась о ней как до, так и после родов.

Родив ребёнка, Цзян Синья ощутила почти невыносимую боль, а также ту неразрывную связь с новорождённым, которая возникает благодаря материнскому инстинкту. В этот момент она вдруг поняла чувства своей матери.

Мать всегда любила её, больше, чем кого-либо ещё, и эта любовь была бескорыстной. Однако она, из-за строгих требований и чрезмерных ожиданий матери, стала сопротивляться ей и даже сомневаться в её любви.

Она думала, что была марионеткой в руках матери, что мать управляла её жизнью, что мать использовала её как инструмент для достижения славы. Но она забыла, что за всем этим всегда стояла любовь матери.

Подумав, она поняла, что мать тоже была несчастна. Она любила своего отца, но он не любил её и не обращал на неё внимания. У отца были другие женщины и дети, а у матери была только она. Даже она сама больше думала о своих чувствах, чем о чувствах матери.

В этот раз она наконец заплакала и полностью сдалась перед матерью.

Она сказала: «Мама, отдай ребёнка. Я скрою его существование от всех. И... прости, я, наверное, не смогу жить так, как ты хочешь...»

Изначально она обманывала мать, думая, что раз уж родила ребёнка, то можно и не выполнять её требования.

Но теперь она не хотела поступать так.

Она думала, что уже разочаровала мать, и если хоть что-то сможет её обрадовать, то это будет отправка ребёнка. Мать будет счастлива и перестанет так беспокоиться за неё.

Услышав это, Му Ванььянь тоже заплакала. Мать и дочь обнялись и плакали вместе, чувствуя горечь и безысходность, но находя в этом последнее утешение друг в друге.

«Мама, не плачь, я буду в порядке».

«Да, потом ты сможешь навещать его, только будь осторожна, чтобы никто не узнал. Это я виновата перед ним...»

— Я хотела отдать ребёнка на воспитание в другую семью, но человек, которому я доверила это, оказался ненадёжным. В итоге ребёнок попал в приют, а потом я его нашла. Яя потом стала волонтером в этом приюте и каждый раз тайно находила возможность увидеть его. Даже зная, что ребёнку плохо, она ничего не могла сделать, только смотрела издали. Иногда, если встречала его, рассказывала ему сказки и пела песни. Возвращалась домой и плакала, смеялась — радовалась, но одновременно была печальна.

Му Ваньянь вытерла слёзы. Она не знала, было ли то решение правильным, потому что результат для дочери оказался слишком жестоким.

Чжун Лицин оставался равнодушным к её печали и холодно спросил:

— А потом? Этот мужчина так и не появился?

После этого о Цзян Синья узнали практически все. Она стала известной распутницей в высшем обществе столицы. Такой скандальной девушкой из знатной семьи в столице была только она одна. В какой-то степени её репутация стала схожей с репутацией Чжун Лицина.

Цзян Лян, хотя и чувствовал себя опозоренным, постепенно перестал обращать на неё внимание и стал отдаляться.

Только Му Ваньянь защищала её, как зеницу ока. Если кто-то сплетничал, она не обращала внимания, но если кто-то осмеливался говорить такое в присутствии семьи Цзян, она не оставляла это без последствий.

Поэтому семья Цзян держалась от них подальше, позволяя Цзян Синья продолжать свою распутную жизнь.

Женщины и дети Цзян Ляна на стороне не были секретом. Все думали, что, когда придёт время, Цзян Лян просто разведётся с Му Ваньянь, и другая женщина с сыном войдёт в семью Цзян.

Но на этом этапе Цзян Синья была убита.

Му Ваньянь, вспоминая дочь, почувствовала острую боль. Её искажённое и безумное выражение лица не было притворным. Она с ненавистью сказала:

— Однажды я услышала, как Яя разговаривала по телефону. Я думаю, это был тот мужчина. Яя, вероятно, тогда поссорилась с ним. Я слышала, как она кричала: «Что значит, получеловек должен жить как получеловек?» и «Ты мне больше не нужен», «Я просто твоё орудие, да?» и тому подобное. Больше я ничего не слышала.

Чжун Лицин наклонил голову, а Сяо Ми выразила понимание. Остальные недоумённо переглядывались.

Шэнь Цзялань прищурился. Точно, это был он.

Линь Е с интересом повторил:

— Получеловек должен жить как получеловек. Что это значит?

Чжун Лицин ухмыльнулся и сказал:

— Очень интересная фраза. Это значит, что наш образ жизни, как получеловеков, определённо отличается от обычных людей.

Линь Е с любопытством спросил:

— Например?

— У нас, получеловеков, есть сила и власть. Если мы объединимся, то покорить мир не составит труда.

Остальные...

Линь Е усмехнулся и с презрением сказал:

— Ты, больной на голову, можешь пойти и принять лекарство.

Остальные не смеялись, Сяо Ми сдерживала смех, а Шэнь Цзялань смеялся открыто.

Его смех был настолько громким, что выделялся в зале заседаний. Закончив смеяться, он с неискренним извинением прикрыл рот рукой.

Чжун Лицин посмотрел на него с укором, и этот взгляд заставил даже Линь Е почувствовать мурашки по коже.

Шэнь Цзялань, полуприкрыв губы, вдруг тихо произнёс:

— Образ жизни получеловеков... Министр Чжун, вы должны лучше всех понимать значение этой фразы. Так что расскажите нам.

Линь Е с удивлением посмотрел на него, как будто что-то понял.

Чжун Лицин усмехнулся и с интересом сказал:

— Получеловеки бывают двух видов, например, как Линь Е, или как я. У каждого свой образ жизни, и нельзя всё обобщать.

— Ты и Линь Е? Разве это не домашние и дикие?

Чжун Лицин удивился:

— Сяо Лань, ты очень точно подметил!

Линь Е с притворным гневом сказал:

— Кто тут домашний?

Чжун Лицин, улыбаясь, провокационно ответил:

— Ты!

Он открыл рот, и из него показался тонкий змеиный язык. На его щеках постепенно появились мелкие чёрно-зелёные чешуйки, которые покрыли всё его красивое лицо, сделав его необычайно зловещим. Его глаза превратились в вертикальные зрачки, холодные и прекрасные.

Члены семьи Цзян, сидящие за столом, с ужасом смотрели на него. Они знали о существовании получеловеков, но видеть такое получеловеческое, полузвериное существо с такой устрашающей внешностью — это было другое дело.

Особенно Му Ваньъянь. Она видела, как её дочь превращалась в полузверя, но тогда это было просто странно и уродливо. Она не ожидала, что получеловек может быть таким пугающим существом.

Да, пугающим.

Когда Чжун Лицин поворачивал свои холодные глаза, каждый, на кого он смотрел, чувствовал ледяной ужас, как будто лягушка, пойманная взглядом змеи. Это был инстинктивный страх.

Цзян Синьхун был уже весь в поту. Он посмотрел на Чжун Лицина, затем на Линь Е, который сидел спокойно и уверенно.

Он подумал, что Линь Е тоже получеловек, и, вероятно, сильный.

Чжун Лицин встал и ударил ладонью по холодному и твёрдому столу для переговоров. Его глаза сверкали, и он тихо засмеялся:

— Но для получеловеков естественно жить по закону сильного. Мир получеловеков можно назвать сложным, но в то же время простым. Низшие и обычные виды подчиняются высшим — это врождённый инстинкт. А управлять ими — это право, данное нам, высшим видам, от рождения. Не похоже ли это на отношения между охотником и добычей?

Когда он говорил это, его злое лицо казалось ещё более кровавым и жестоким.

Мраморный стол под его ладонью рассыпался на куски, не просто треснул, а был разбит так легко, как будто это был кусок тофу.

Цзян Лян и другие дрожали от страха, а Му Ваньянь даже зубами стучала, напуганная до глубины души. Она вспомнила, как только что кричала на Чжун Лицина, и её волосы встали дыбом.

<http://bllate.org/book/15261/1346590>